

**ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ
К. С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»
PAGAN AND CHRISTIAN MOTIVES IN NOVEL «TILL WE HAVE FACES»
BY C. S. LEWIS**

Аннотация: В статье рассматривается известный миф об Эросе и Психее, и то, как писатель и апологет К. С. Льюис трансформирует его в своём романе «Пока мы лиц не обрели», вкладывая в произведение не только языческий, но и христианский смысл.

Исследование ключевых мотивов в «Пока мы лиц не обрели» позволило сделать вывод о гармоничном синтезе христианского и языческого начал, благодаря которому К. С. Льюис создал свой собственный роман-миф.

Ключевые слова: миф; христианство; языческие мотивы; христианские мотивы.

Abstract: The article deals with a popular myth about Eros and Psyche and how the writer and apologist C. S. Lewis changes it in his novel «Till we have faces», making it not only pagan, but Christian source as well.

Research of the main motives in «Till we have faces» allowed to draw conclusions about harmonic synergy of pagan and Christian motives. Due to it, Lewis created his own myth.

Keywords: myth; Christianity; pagan motives; Christian motives.

На протяжении многих тысячелетий античная мифология влияла и продолжает влиять на формирование художественного творчества народов мира. Литература каждой эпохи по-своему открывала для себя миф и интерпретировала его, и в этом смысле можно говорить о постоянном взаимообогащении мифологии и литературы.

Клайв Льюис, известный миру прежде всего как христианский апологет и автор цикла «Хроники Нарнии», в своем последнем произведении «Пока мы лиц не обрели», как и в «Хрониках», опирается на уже существующие сюжеты античной мифологии, чтобы раскрыть свое собственное представление о взаимоотношениях между Богом и человеческой душой. Причем слово душа в данном контексте означает и прямое значение, так как роман «Пока мы лиц не обрели» является интерпретацией мифа о Психее, чье имя в переводе с греческого и означает «душа».

К моменту написания произведения Льюис понял, что лучшим способом передачи христианской вести будет не перенасыщение текста христианскими символами, а изображение опыта встречи с Богом, но через призму античного «языческого» мифа. Сказка об Эросе и Психее заворожала Льюиса еще в школьные годы, и на протяжении всей своей жизни он постоянно возвращался к этой истории, пытаясь создать то балладу, то поэму, то даже пьесу. Однако произведению было суждено стать религиозно-философским романом и обрести свое лицо лишь весной 1954 года, став книгой *«об искуплении любовью и об искуплении любви»*, как считает Илья Кормильцев, переводчик книги на русский язык.

Прежде чем обратиться непосредственно к произведению, стоит отметить античные истоки самого образа Психеи. В древнегреческой и древнеримской культуре Психея символизировала душу, которая в искусстве часто изображалась в виде бабочки, парившей над головой умершего. Такие изображения в греческой культуре датируются пятым веком до нашей эры. Позднее изображение бабочки трансформировалось в образ маленькой крылатой девушки, и именно такую Психею греки и определили в спутницы Эросу. Что касается отношений двух героев, то они были очень противоречивыми, а тема мук, претерпеваемых Психеей от Эроса, стала одной из ключевых в античном искусстве: Эрос хочет расстрелять бабочку из катапульты, Эрос ловит бабочку с факелом в руке, чтобы сжечь и т. д.

Первым, кто литературно обработал и изложил миф в таком виде, в котором он дошел до нас, был Апулей в произведении *«Метаморфозы»*, где история занимала две книги из одиннадцати. Однако Апулей не был первым, кто использовал сюжет о Психее, так как еще до него он встречался у Посидиппа (3 век до н. э.), Мелеагра (1 век до н. э.) и т. д.

Согласно Волошину, уже в первые века христианства тождество Христа и Эроса было настолько очевидно, что Христос, изображающийся в образе Эроса, вел за руку душу Психею, то есть миф, используемый сначала в декоративном искусстве, отчасти уже был адаптирован раннехристианским искусством и был аллегорией, выражающей христианский смысл. Психея стала олицетворением души, нуждающейся в проводнике для связи с божественным, и подобная трактовка образа впоследствии действительно укоренилась в христианском искусстве.

Что касается Клайва Льюиса, то миф об Амуре и Психее был для него не просто языческой сказкой: по замыслу писателя, брак двух героев становился образом соединения человеческой души – Психеи – с подлинным библейским Богом, поэтому в романе, помимо языческого начала, сильно и христианское.

Христианское начало прежде всего связано с интерпретацией Льюисом притчи о блудном сыне – путь главной героини Оруаль, старшей сестры Психеи, лежит через отрицание и непонимание божественного к принятию этого божественного и пониманию всей сути Бога. Сама притча о блудном сыне является ядром всего христианства и повествует о покаянии и милосердии Бога к грешнику, что впоследствии действительно происходит с Оруаль.

Всю свою жизнь, обвиняя богов, в частности Бога Горы, в конце концов она обращается к нему как к христианскому Господу, и книга заканчивается словами: *«Нет ответа. Теперь я знаю, Господи, почему ты не отвечаешь нам. Потому что ты сам – ответ. Пред твоим лицом умирают все вопросы. Разве есть ответ полнее? Все слова, слова, слова, которые спорят с другими словами».*

Также одна из ключевых тем романа – это тема человеческого вопрошания перед Богом, которая прослеживается уже с самых первых строк произведения: *«Разве боги в силах повредить мне? У меня нет ни мужа, ни сына, ни друга, на которых мог бы обрушиться их гнев <...> В книге этой я буду обвинять богов: в первую очередь того, который обитает на Седой горе.словно перед строгим судьей, я расскажу без утайки обо всем том зле, что этот бог причинил мне».* Данная тема является ключевой еще и потому, что весь смысл романа можно выразить в своеобразном диалоге Оруаль с самой собой: одна строчка из начала романа, вторая – из его конца:

«Что ж это за бог, который не решается показать свое лицо? Прекрасные не скрывают лиц» становится: *«И я поняла, почему боги с нами не говорят, и не нам ответить на их вопросы... Как встретят они нас лицом к лицу, пока мы лиц не обрели?»*

Христианское толкование языческого мифа проявляется и в понимании смысла жертвоприношения, темы, которая также предстает центральной в романе и с которой связан мотив преображения. У Психеи, выражающей христианский миф, и Оруаль, символизирующей античный, разные понятия о сути жертвы. Психея не боится смерти, и в ее словах «родиться заново» выражается христианское представление о смерти. Она, подобно Христу, приносит себя в жертву во имя любви к жителям Глома: *«Меня ожидает смерть. Я ведь не настолько ребенок, чтобы не понимать этого. Если я не умру, как я смогу искупить грехи Глома? И как можно прийти к богу, если не через смерть?»* И подобно Христу, которого вели на Голгофу, Психею ведут на Гору.

Христианские мотивы прослеживаются и в «грехопадении» Психеи. После долгих уговоров она все же принимает кинжал и лампу от своей старшей сестры Оруаль, чтобы увидеть Эроса, что сравнимо с грехопадением Адама и Евы. И у Евы, и у Психеи причиной падения становится неверие, тем самым изгнание Богом Адама и Евы из рая сравнимо с изгнанием Эросом Психеи из дворца, в котором она была счастлива, словно в раю.

С образом Психеи связаны и такие христианские темы, как тема смирения и христианского прощения от всего сердца, на что указывали еще такие исследователи, как Ч. Уолш, Н. Л. Трауберг, А. А. Архипова и др.: *«Послушай, ты не должна позволить горю ослепить тебя и ожесточить твое сердце...»*

А жертвоприношение отцом Психеи имеет параллель с жертвоприношением Исаака Авраамом.

Что касается языческого начала в романе, то здесь можно выделить следующее: во-первых, это идея метаморфозы, которая является одной из ведущих, причем Льюис, подобно Апулею, выносит эту идею в название романа. *«Пока мы лиц не обрели»* означает, что главная героиня должна претерпеть некоторые метаморфозы, чтобы обрести себя.

Также это мотив странствия, причем если Психея вынуждена скитаться по земле, то Оруаль проходит своего рода трансцендентное странствие, в котором, стараясь найти душу Психею, пытается найти и свою душу и обрести свое лицо. Основное действие в романе происходит не только в реальном мире, но и в ирреальном пространстве, которое постоянно обнаруживает себя через видения, сны, знамения, а во второй части романа Оруаль попадает в загробный мир. Однако важно отметить то, что граница между мирами может стираться и ирреальное может сосуществовать с настоящим: *«Я вошла к себе в первом часу пополудни...и сразу попала внутрь видения – мне не пришлось для этого даже присесть или прилечь на ложе».*

В Гломе чтут обычаи, например, после того, как умерла мать Оруаль, ей остригают волосы, «как велит обычай», рассказывает героиня.

Богиня Венера заменяется богиней Унгит в произведении, которая согласно традиционным языческим канонам нуждается в жертвоприношении и поклонении: *«Я рассказала ему об Унгит, о девушках, которые жили в ее доме, о подарках, которые невесты приносят богине, и о том, что, если страну постигает какое-нибудь бедствие, мы перерезаем горло жертве на алтаре богини и окропляем Унгит человеческой кровью».*

Венера, в данном случае Унгит, традиционно является образом первобытной богини-матери, главным женским божеством в большинстве мифологий. Сам Льюис пишет в произведении: *«Унгит – это мать-земля, прародительница всего сущего».*

Итак, произведение К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» – философский роман-притча, основанный на мифологическом начале, но представленный с христианской точки зрения.

Проблема духовного преображения главных героинь Психеи и Оруаль решается Льюисом именно благодаря единству мифологического и христианского начал.

Так как Эрос – бог любви и образ Христа, а Психея – человеческая душа, желающая слиться с любовью, то есть божеством, то мы можем говорить о том, что весь роман Льюиса – есть аллегория пути человеческой души к Христу.

У героев в романе отсутствуют «лица»: Унгит «имеет тысячу лиц», девушки из дома Унгит накрашены настолько, что их лица «напоминают маску», жрец похож на «грифа-стервятника», а с середины романа главная героиня Оруаль начинает носить платок, покрывающий ее лицо. Только Психея всегда имела лицо, так как всегда стремилась к божественному, а впоследствии его обретает и Оруаль. То есть, обретая веру, обретаешь и лицо.

Тем самым писатель действительно опирается на уже существующий миф, однако благодаря единству языческого и христианского начал перед нами заново созданный миф Клайва Льюиса.

Библиографический список

1. Гоготошвили, Л. А. Религиозно-философский статус языка / Л. А. Гоготошвили // Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос. – М., 1993. – С. 913.

2. Лотман, Ю. М: Литература и мифы / Ю. М. Лотман // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С. 220–226.

3. Льюис, К. С. Пока мы лиц не обрели : собрание сочинений : в 8 т. / К. С. Льюис ; пер. с англ. : Г. Островская, Н. Трауберг и др. – М. : Фонд о. Александра Меня ; Дом Надежды, 1999. – 480 с.